

Сунь Цзявень

ЛИРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ А.С. ПУШКИНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКИХ ФИЛОЛОГОВ

Постановка проблемы в общем виде. Русско-китайские межкультурные связи и, в частности, активность переводческого освоения русского литературного наследия оказались в тесной зависимости от прихотливой кривой советско-китайских политических взаимоотношений. Волна роста интереса к русской литературе в первой половине века сменилась резким охлаждением и фактическим запретом на протяжении многих последовавших после кризиса 1950-х гг. десятилетий [4]. Известно, что в условиях ограничения свободы литературного и научно-литературоведческого процессов, актуализируется литературный перевод, когда появляется вынужденная необходимость прибегать к переводческой деятельности как к отдушине собственных творческих интенций.

Предлагаемые китайскими филологами-переводчиками модусы восприятия пушкинских текстов мы рассматриваем как многомерный опыт синтетического характера, вмещающий интерпретационный потенциал и литературных, и научных проекций. Перевод лирических текстов А.С. Пушкина неизбежно становится трактовкой авторского метода, жанра, стиля, вариантом, вариацией «своего» Пушкина, одной из возможных в подвижно инвариантном множестве творческих встреч и взаимоотражений.

Анализ последних исследований и публикаций. После образования Китайской народной республики большинство произведений А.С. Пушкина переводилось с русского языка на китайский, а некоторые из них имеют даже несколько переводных вариантов. Например, в свет вышло девять разных переводов «Евгения Онегина» [3]. Кроме того, также переведены и изданы другие произведения о Пушкине (биографии, романы и воспоминания), написанные русскими и зарубежными учеными и писателями. Однако малоизученными остаются работы китайских исследователей над лирическими текстами поэта. Для выявления путей и механизмов конкретных интерпретаций мы избрали в качестве материала переводческое творчество двух известных китайских филологов Чжа Лянчжэна и Фэнь Чуня, внесших значительный вклад в освоение пушкинского литературного наследия. Каждый из них предлагает свою, во многом оригинальную конфигурацию семантических акцентов в интерпретирующих проекциях пушкинских лирических текстов.

Формулировка цели статьи. Цель работы – проанализировать особенности литературных переводов лирических текстов А.С. Пушкина китайскими филологами-переводчиками Чжа Лянчжэна и Фэнь Чуня.

Изложение основного материала исследования. Одним из лучших переводчиков А.С. Пушкина по праву считался Чжа Лянчжэн (1918-1977). Он перевел «Евгения Онегина», «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Домик в Коломне», «Медного всадника», «Графа Нулина» и другие поэмы Пушкина (издано четырежды отдельными книгами в период с 1954 года по 1955

год). Одновременно Чжа Лянчжэн выпустил том «Лирика Пушкина». В работе над «Евгением Онегиным», кроме подлинника, были использованы английский перевод Дойч, немецкий перевод Теодора Коммихана, а также работа А.Л. Слонимского «О «Евгении Онегине», снабженная множеством иллюстраций.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина так увлекло Чжа Лянчжэна – поэта, широко известного во всем Китае, что всю вторую половину жизни он полностью посвятил художественному переводу пушкинских стихотворений. Пушкин изменил весь жизненный путь Чжа Лянчжэна – поэта, сделав из него переводчика [6].

В этот период у Чжа Лянчжэна уже сформировался свой собственный поэтический стиль. До 1948 года он выпустил 3 сборника под названием: «Экспедиция», «Сборник лирики Му Да» (Му Да – это его литературный псевдоним), «Флаг». В апреле 1954 года он переводит «Кавказского пленника», затем «Медного всадника» и одновременно издает их. В октябре вышел в свет его перевод «Евгения Онегина»; в декабре – «Сборник лирики А.С. Пушкина», в который вошло 160 стихотворений, переведенных им же.

Как поэт Чжа Лянчжэн блестяще владел искусством слова, и язык его перевода был изящен. Но, зная английский язык лучше, чем русский, Чжа Лянчжэн, по-видимому, переводил роман Пушкина «Евгений Онегин», ориентируясь и на английский перевод, о чем свидетельствуют некоторые характерные ошибки, искажающие смысл пушкинского текста. Вот почему перед современными китайскими русистами встала задача нового перевода «Евгения Онегина» – непосредственно с русского оригинала.

С 1954 по 1958 год Чжа Лянчжэн подготовил 17 переводческих работ, 11 из которых – переводы с русского оригинала и 6 – с английских переводов. Переводы Чжа Лянчжэна отличаются рядом особенностей, так как его гражданский пафос приобретал характер глубокого человеческого переживания.

Как и пушкинской гражданской поэзии, так и поэзии Чжа Лянчжэна была присуща эмоциональная стихия личного, непосредственного чувства. Сравним «Вольность» А.С. Пушкина:

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру
На тронах поразить порок...
В сборнике «Флаг» Чжа Лянчжэна мы встречаем такие строки:
Это наше сердце, оно умнее нас...
Приди с утром, страдай с приходом ночи.
Только ты можешь выразить радость свободы.

В 1958 году Чжа Лянчжэну запретили преподавать в университете, публиковать свои статьи и переводы, с началом «культурной революции» ему пришлось отправиться в деревню. В так называемой «ссылке» Чжа Лянчжэн отстаивает свободу художественного творчества, продолжает заниматься

переводами и пишет статьи. Он начал перерабатывать переводы произведений Пушкина и в этом достиг немалых успехов.

Созданные им переводы произведений Пушкина и «Избранной лирики А.С. Пушкина» вышли в свет в издательстве «Чзянсу жэньминь».

Чжа Лянчжэн уделяет особое внимание ритму, рифме и форме стихотворений при переводах. Он не переводил текст «буквально, от слова к слову», когда поэзию превращают в прозу, игнорируя законы поэтики. В своих переводах он пытался соединить содержание с формой. Он считал, что содержание и форма обязательно должны соответствовать оригиналу. Как поэт, он хорошо чувствовал ритм и рифму, строфику письма пушкинских стихов. Часто Чжа Лянчжэн изменяет форму произведения и порядок расстановки слов или предложений в оригинале, чтобы в китайском переводе достичь гармонии между рифмой, ритмом и формой.

«Евгений Онегин» имеет строгую метрическую форму, – отмечает Чжа Лянчжэн, – и если переводчик не обладает соответствующими навыками, он не сможет добиться полного соответствия подлиннику. Вместе с тем художественная ткань романа необычайно богата и насыщена, и если стремиться к точной передаче стихотворной формы, то, вероятно, можно было бы воспроизвести схему рифмовки – но в ущерб смыслу и художественной целостности романа. Поэтому при переводе переводчик решил сохранить строфическую форму, но строфа не должна непременно соответствовать строфе подлинника».

Он переводит «Деревню» А.С. Пушкина. Напомним некоторые строки:

Здесь рабство тощее влачится по браздам
 Неумолимого владельца.
 Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
 Надежд и склонностей в душе питать не смея,
 Здесь девы юные цветут
 Для прихоти бесчувственной злодея.
 Обратимся к переводу Чжа Лянчжэна:
 Один крестьянин, его туловище приковано к земле.
 Он сын одной женщины и отец многих детей.
 Сколько династий сменили друг друга.
 Он был подавлен, надежды угасли, и осталось разочарование.
 Он ходит за плугом, молчит как всегда.
 Ветер дует с востока
 Направляется к югу.
 Над узкой улицей он несется.
 Чей-то ребенок заплачет: «Уа-уа-уа!»
 Он скоро вырастет
 И ляжет спать, как и мы.

В последний год своей жизни Чжа Лянчжэн снова начал писать стихи, стиль его лирики изменился по сравнению с периодом 40-х годов. В 40-е годы

его стихи были абстрактны, а в конце жизни точны, лаконичны, с четко выраженной идеей, язык стал более ясным и форма аккуратней.

По иному строит свою поэтику пересоздания пушкинского шедевра Чжа Лянчжэн стихотворения «Я вас любил...» (1829) на разнонаправленное прагматической ориентации художественного сообщения. Характерна попытка организации такого ритмико-версификационного рисунка, который, с одной стороны, стремился бы инициировать в восприятии китайского речевого сознания ассоциативное восприятие классической европейской модели, то есть, призван служить как бы знаком близости пушкинскому оригиналу. Однако с другой стороны, характеризуется строгостью и точной рифмовкой на китайском языке, то есть стремиться стать знаком близости собственно китайскому читательскому опыту. Такой двунаправленный эффект проводится порою введением нарочитой инверсии.

Я вас любил: может быть, этот
 Огонь любви еще не совсем в моем сердце
 Угас; но пусть эта любовь
 Вас больше не тревожит.
 Я не хочу, чтобы что-либо вызвало бы
 Вашу печаль. Я безмолвно, безнадежно
 Вас люблю. То горе мое в робости,
 То оглушен (букв, "контужен") ревностью.
 Я любил так нежно, так,
 Как любят только одну.
 Ох, желаю, чтобы другой (другие)
 Вас любил так же.

Ритмико-рифмическая сообразность китайской традиции стихосложения подкреплена включениями «своего», узнаваемого и ожидаемого, прагматически ориентированных на опознание китайским культурным сознанием данного речевого сообщения.

Идиоматические сращения, как, например, «огня любви», «оглушенности («контузии») ревностью» и «однолюбивой любви» представляют собой традиционные метафорические комплексы, которые играют немаловажную роль в эмоциональной оркестровке данной вариации пушкинской темы.

Поэтизм «огонь любви» – буквализация пушкинской метафоры «не совсем угасшей любви». Если у Пушкина целенаправленная установка на прозаизацию в стихии естественно-непринужденной разговорности, то у Чжа Лянчжэна усиление риторичности; у Пушкина тончайшая передача психологических нюансов, достаточно предсказуемая, у Чжа Лянчжэна «томление то робостью, то ревностью» получает обостренно усиленное звучание: «горе мое то в робости, то в ревности». Вместо «ревности» употреблено фразеологическое сращение «оглушенности, контузии ревности», указывающее на состояние смещенного, измененного сознания лирического героя, подчеркнуто поэтизированное. Далее в числе существенных

интерпретационных сдвигов следует указать на такое семантическое замещение: вместо <я любил> «искренно» – <я любил> «исключительно вас», «однолюбиво», «любовью однолюба». Вновь речь идет о китайской идиоматической единице, которая в данном контексте развертывает уже знакомый сквозной риторико-мелодраматический декор условных, при всей видимой напряженности, словесных формул. Если в пушкинском «так искренно, так нежно» прочитывается изысканная простота невыразимости глубокой душевной коллизии, то у Чжа Лянчжэна «исключительно вас», «как однолюб» – формула, чреватая каким-то уязвленным любованием своими неценными достоинствами, отчасти даже эгоизмом, как будто лирический герой занят прежде всего своими драматическими переживаниями, а не преисполнен искреннего, бескорыстного, жертвенного желания счастья любимой, пусть даже ценой собственного несчастья. Поэтому каким-то малоубедительным у Чжа Лянчжэна выглядит финальное признание лирического героя, обрамленное к тому же многозначительным «Ох!». Здесь Чжа Лянчжэн создает такую интерпретационную модификацию пушкинского лирического текста, которая по существу неорганична пушкинскому художественному мышлению [2].

В 1977 году, 25 февраля, в 59 лет, Чжа Лянчжэн умер от сердечной недостаточности. Безусловно, по прошествии многих лет в Китае появились и более качественные переводы пушкинских произведений, однако для исследователей перевода 30-х–50-х годов переводы Чжа Лянчжэна имели большое значение, позволяя читателю войти в круг мыслей и настроений А.С. Пушкина, наглядно представить себе его стилевую систему во всем ее своеобразии [5].

Гораздо более адекватную палитру прочтений пушкинского стихотворения предлагает Фэнь Чунь (настоящее имя – Гуо Чжень Зон), представитель новейшей филологической и переводческой школы современного Китая [8]. Именно в контексте формирования новых литературоведческих и переводческих концепций показательна деятельность Фэнь Чуна как переводчика и исследователя-интерпретатора пушкинского творчества, создавшего уникальный по своему масштабу проект трансляции-осмысления пушкинского текстового наследия [7]. Пестрому разнообразию с множественностью переводов одного и того же текста разными переводчиками он попытался противопоставить целостность единого замысла в переводе по возможности всего текстового наследия произведений Пушкина одним переводчиком, осознавая, что перевод есть интерпретация на уровне личностного восприятия. Понятно, что, сколько будет переводчиков, столько и будет трактовок осмысления пушкинского текста [1]. Таким образом, Фэнь Чунь сформулировал самостоятельную грандиозную интерпретационную программу концептуально единого и целостного восприятия и трансляции пушкинского творчества через полный перевод его текстов одним

исследователем-переводчиком, тем самым ему во многом удалось избежать изъяснов, еще очевидных в работе предшественников.

Я вас любил, может быть,
 Любовь еще не
 Совсем из моей души
 Исчезла.
 Желая, чтобы она вам не
 Доставляла неприятностей.
 Я нисколько (совсем) не
 Хочу вас огорчать (наст. вр. – «не хочу, но огорчаю»)
 Я безмолвно, безнадежно
 Вас любил.
 Из-за робости и ревности
 Тайно печалился.
 Я вас любил так искренне,
 Нежно-влюбленно (кит. идиом.)
 Благословляю вас (желаю счастья) с тем другим, что вас
 Любит, как я.

В сопоставлении с предыдущим примером бросается в глаза разница в стилистических решениях лирического сюжета. У Фэнь Чуня «любовь <быть может, не совсем> исчезла», нет даже стертой метафоры («угасла»), не говоря уже о «пламени любви». Единственная метафорическая область в пространстве стихотворения – идиоматическое «нежно-влюбленно», опять-таки относящееся к сфере непосредственно трогательных, душевных человеческих переживаний. Они ясны и чисты в кристальной внятности своей лирико-сюжетной логики, а не условно поэтизированных чувствований.

Соответственно в варианте Фэнь Чуня и позиция лирического героя оказывается существенно иной, нежели у Чжа Лянчжэна. Его отношение к возлюбленной лишено заботы о неблагополучии собственной судьбы. В своей любви, колеблющейся между робостью и ревностью, ему видится чуть ли не вина в страданиях любимой. Еще более выразительно дан итоговый вывод, заключительное, мужественное решение: «Благословляю вас (желаю счастья) с тем другим, что вас / Любит, как я». Если любовь оборачивается наказанием, то право любить герой передоверяет подлинному избраннику, способному, быть может, к такой же искренности и нежности, достойного идеала любимой.

Выводы. Таким образом, анализ лирических переводов А.С. Пушкина Чжа Лянчжэна и Фэнь Чуня демонстрирует многомерность и разновалентность возможных сценариев смыслопорождающих интерпретационных проекций в различных переводах одного и того же пушкинского текста. Это свойство перевода как интерпретации реализуется прежде всего в параметрах прагматики высказывания, обращенного к предполагаемой аудитории. Интерпретационный потенциал перевода, в частности, определяется целевой ориентацией в рамках этого поля и избирательностью стилевых, жанровых и

иных структурообразующих атрибуций. Прагматические валентности пушкинского текста вступают во взаимодействие с валентностями переводчика в расчете, в свою очередь, на встречу с читательскими. В результате формируется система взаимных сопряжений, предполагающая множественное прочтение.

Литература

1. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. – М.: Наука, 1974 – 208 с.
2. Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор". – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru>
3. Гэ Баоцюань. «Евгений Онегин» в Китае: шесть переводов пушкинского шедевра // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 104-112.
4. Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. – Л.: Наука, 1976. – 415 с.
5. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. – 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1983 – 255 с.
6. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // «НЛО». – 2004. – № 69. с. 1-8.
7. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии А.С. Пушкина. – М.: Советский писатель, 1987. – 448 с.
8. Чжан Тэфу, Цзэн Цулинь. Перевод и изучение Пушкина в Китае в последние годы. – Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/che/chzhan_tefu_tszen_tulin'-perevod_i_izuchenie_pushkina_v_kitaje

Аннотация

Сунь Цзявень Лирические тексты А.С. Пушкина в переводческом творчестве китайских филологов.

Статья посвящена анализу переводов лирических текстов А.С. Пушкина в исследованиях китайских филологов-переводчиков. Проанализированы художественные особенности переводов лирики А.С. Пушкина, художественные приемы, фразеологизмы и идиомы, трудность перевода некоторых мест для китайских исследователей.

Ключевые слова: лирические тексты А.С.Пушкина, художественные особенности лирического перевода, китайские филологи-исследователи.

Анотація

Сунь Цзявень Ліричні тексти О.С. Пушкіна у перекладацькій творчості китайських філологів.

Статтю присвячено аналізу перекладів ліричних текстів О.С. Пушкіна в дослідженнях китайських філологів-перекладачів. Проаналізовано художні особливості перекладу лірики О.С. Пушкіна, художні прийоми, фразеологізми та ідіоми, складнощі перекладу деяких місць для китайських дослідників.

Ключові слова: ліричні тексти О.С. Пушкіна, художні особливості ліричного перекладу, китайські філологи-дослідники.

Summary

Sun Tzyaven A. S. Pushkin's Lyrical Texts in Chinese Philologists' Translation.

The article is devoted to the translation analyses of A. S. Pushkin's lyrical texts in the researches of Chinese philologists. The peculiarities of the translation of A. S. Pushkin's lyrical texts, the methods of fiction, phrasal units and idioms, and translation difficulties of some lines for the Chinese researchers are analyzed in the article.

Key words: A. S. Pushkin's lyrical texts, the peculiarities of translation the lyrical texts, the Chinese researchers-philologists.